

В. Соловьев

Русская идея

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С60

С60 **Соловьев В.**
Русская идея / В. Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2016. – 53 с.

ISBN 978-5-458-06002-8

Перевод доклада прочитанного Владимиром Сергеевичем Соловьевым
в 1888 году в Париже на французском языке.

ISBN 978-5-458-06002-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

самымъ важнымъ изъ всѣхъ для русскаго, да и внѣ Россіи онѣ не можетъ показаться лишеннымъ интереса для всякаго серьезно мѣслящаго человека. Я имѣю въ виду вопросъ о смыслѣ существованія Россіи во всемирной исторіи.

Когда видишь, какъ эта огромная имперія съ бѣльшимъ или меньшимъ блескомъ въ теченіе двухъ вѣковъ выступала на міровой сценѣ, когда видишь, какъ она по многимъ второстепеннымъ вопросамъ приняла европейскую цивилизацію, упорно отбрасывая ее по другимъ болѣе важнымъ, сохраняя такимъ образомъ оригинальность, которая, хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тѣмъ не менѣе своеобразнаго величія, — когда видишь этотъ великій историческій фактъ, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую онѣ скрываетъ за собою или открываетъ намъ; каковъ идеальный принципъ, одушевляющій это огромное тѣло, какое новое слово этотъ новый народъ скажетъ человечеству; что желаетъ онѣ сдѣлать въ исторіи міра? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ мы не обратимся къ общественному мнѣнію сегодняшняго дня, что поставило бы насъ въ опасность быть разочарованными событіями послѣдующаго дня. Мы поищемъ отвѣта въ вѣчныхъ истинахъ религіи. Ибо идея націи есть не то, что она сама думаетъ о себѣ во времени, но то, что Богъ думаетъ о ней въ вѣчности.

I.

Разъ мы признаемъ существенное и реальное единство человѣческаго рода,—а признавъ его приходится, ибо это есть религіозная истина, оправданная раціональной философіей и подтвержденная точной наукой,—разъ мы признаемъ это субстанціональное единство, мы должны разсматривать человѣчество въ его цѣломъ, какъ великое собирательное существо или соціальный организмъ, живые члены котораго представляютъ различныя націи. Съ этой точки зрѣнія очевидно, что ни одинъ народъ не можетъ жить въ себѣ, чрезъ себя и для себя, но жизнь каждаго народа представляетъ лишь опредѣленное участіе въ общей жизни человѣчества. Органическая функція, которая возложена на ту или другую націю въ этой вселенской жизни,—вотъ ея истинная національная идея, предвѣчно установленная въ планѣ Бога.

Но если человѣчество и дѣйствительно представляетъ нѣкоторый большой организмъ, то не слѣдуетъ забывать, однако, что мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣла съ организмомъ чисто физическимъ, и слѣдуетъ помнить, что члены и элементы, изъ коихъ онъ состоитъ—націи и индивиды—суть существа моральные. А коренное условіе моральнаго существа лежитъ въ томъ, что особая функція, которую оно призвано выполнять во вселенской жизни, идея, ко-

торою опредѣляется его существованіе въ мысли Бога, никогда не выступаетъ въ качествѣ матеріальной необходимости, но только въ формѣ моральнаго обязательства. Мысль Бога, являющаяся безусловнымъ рокомъ для вещей, для существа моральнаго только долгъ. Но, хотя и очевидно, что долгъ можетъ быть выполненъ или не выполненъ, можетъ быть выполненъ хорошо или дурно, можетъ быть принятъ или отвергнутъ, невозможно, съ другой стороны, допустить, чтобы эта свобода могла измѣнить провиденціальный планъ или лишить моральный законъ его гдѣйственности. Моральное воздѣйствіе Бога не можетъ быть менѣе могущественнымъ, чѣмъ его физическое воздѣйствіе. Поэтому слѣдуетъ признать, что въ мірѣ моральномъ есть также роковая необходимость, но роковая необходимость косвенная и обусловленная. Призваніе, или та особая идея, которую мысль Бога полагаетъ для каждаго моральнаго существа — индивидуа или націи — и которая открывается сознанію этого существа, какъ его верховный долгъ, — эта идея гдѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ какъ реальная мощь, она опредѣляетъ во всѣхъ случаяхъ бытіе моральнаго существа, но гдѣлаетъ она это двумя противоположными способами: она проявляется, какъ законъ жизни, когда долгъ выполненъ, и какъ законъ смерти, когда это не имѣло мѣста. Моральное существо никогда не можетъ освободиться отъ

власти божественной идеи, являющейся смыслом его бытия, но от него самого зависит ее в сердце своем и в судьбах своих как благословение или как проклятие.

Только что сказанное мною есть общее место или должно было бы быть таковым для всякого—я не скажу христианина—но хотя бы монотеиста. И действительно, против этих мыслей не находят никаких возражений, когда они предлагаются в общих формах; протест обычно бывает направлен против применения их к национальному вопросу. В этом последнем случае общее место внезапно превращается в мистическую мечту, и аксиома становится субъективной фантазией. «Кому была когда-либо открыта мысль Бога о какой-либо нации, кто может говорить народу о его долге? Проявлять свою мощь, преследовать свой национальный интерес, вот все, что надлежит делать народу, и долг патриота сводится к тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей в этой национальной политике, не навязывая ей своих субъективных идей. А для того, чтобы узнать истинные интересы нации и ее действительную историческую миссию, есть только одно верное средство, это—спросить у самого народа, что он об этом думает, призвать на совет общественное мнение?» Однако, есть нечто странное в этом, видимому, столь здравом суждении.

Это эмпирическое средство узнать истину рѣшительно непримѣнимо тамъ, гдѣ мнѣніе націи дробится, что имѣетъ мѣсто почти всегда. Какое изъ общественныхъ мнѣній Франціи есть истинное: мнѣніе католиковъ или мнѣніе франъ-масоновъ? И разъ я русскій, какому изъ національныхъ мнѣній долженъ я пожертвовать моими субъективными идеями: мнѣнію оффиціальной и оффиціозной Россіи, Россіи настоящаго или тому мнѣнію, которое исповѣдуютъ нѣскольцо милліоновъ нашихъ старовѣровъ, этихъ истинныхъ представителей традиціонной Россіи, Россіи прошлаго, для которыхъ наша церковь и наше государство въ ихъ настоящемъ видѣ суть царство Антихриста; а то, можетъ быть, не обратится ли намъ еще и къ нигилистамъ: вѣдъ они, быть можетъ, являютъ собой будущее Россіи.

II.

Мнѣ нечѣмъ настаивать на этихъ трудностяхъ, разъ исторія даетъ въ подтвержденіе моего положенія доказательство прямое и общеизвѣстное. Если въ философіи исторіи вообще есть твердо установленныя истинны, то таковою слѣдуетъ считать то положеніе, что конечное призваніе еврейскаго народа, истинный смѣсль его существованія существенно связаны съ мессіанской идеей, то-есть съ идеей христіанской. Однако, не похоже на то, чтобы общественное

мнѣніе и національное чувство евреевъ было особенно благорасположено къ христіанству. Я не хочу обращаться съ избитыми упреками къ этому единственному въ своемъ родѣ и таинственному народу, который въ концѣ-концовъ въѣдъ естѣ народъ пророковъ и апостоловъ, народъ Іисуса Христа и Пресвятой Дѣвы. Этотъ народъ еще живъ и по словамъ Новаго Завѣта его ожидаетъ полное возрожденіе и обновленіе: «Всѣ Израиль спасется» (Рим., XI, 26). И я считаю нужнымъ сказать, хотя и не могу доказать згѣсѣ правоты своего утвержденія ¹⁾:—«ожесточеніе» евреевъ не естѣ единственная причина ихъ враждебнаго положенія по отношенію къ христіанству. Въ Россіи въ особенности, гдѣ никогда не гдѣлали попытки приложитъ къ евреямъ начала христіанства, осмѣлимся ли мы потребовать отъ нихъ, чтобы они были болѣе христіанами, чѣмъ мы сами? Я хотѣлъ только напомнитъ тотъ замѣчательный историческій фактъ, что народъ, предназначенный даровать міру христіанство, выполнилъ эту миссію лишь противъ воли своей, что въ громадномъ большинствѣ своемъ и въ теченіе восемнадцати вѣковъ онъ упорно отметаеѣ божественную идею, которую онъ носилъ въ лонѣ своемъ и которая была истиннымъ смысломъ его суще-

¹⁾ Я пытался сдѣлать это въ двухъ этюдахъ по еврейскому вопросу, изъ которыхъ одинъ былъ подвергнутъ разбору въ «Revue française», сентябрь и октябрь 1886.

ствованія. Посему не можетъ уже считаться дозволеннымъ теперѣ говорить, что общественное мнѣніе націи всегда право и что народъ никогда не можетъ заблуждаться въ своемъ истинномъ призваніи или отвергать его.

Но, бытъ можетъ, этотъ приведенный мною историческій фактъ самъ представляетъ лишь религіозный предрасудокъ, и роковая связь, предполагаемая между судьбами израильскаго народа и христіанствомъ — лишь субъективная фантазія? Я могу привести, однако, чрезвычайно простое доказательство, ярко освѣщающее реальный и объективный характеръ приведеннаго нами факта.

Если взять нашу христіанскую Библію, собраніе книгъ, начинающееся книгой Бытія и кончающееся Апокалипсисомъ, и разобратъ ее помимо какихъ бы то ни было религіозныхъ убѣжденій, какъ простой историческій и литературный памятникъ, то мы принуждены будемъ признатъ, что передъ нами произведеніе законченное и гармоничное: созданіе неба и земли и паденіе чело-вѣчества въ лицѣ перваго Адама—въ началѣ, возстановленіе чело-вѣчества въ лицѣ второго Адама, или Христа,—въ центрѣ, и въ концѣ— апокалиптической апоѳеозъ, созданіе неба новаго и земли новой «въ нихъ же правда живетъ», откровеніе преображеннаго и прославленнаго міра, Новаго Іерусалима, нисходящаго съ небесъ, ски-ни, гдѣ Богъ съ людьми обитаетъ (Апок. XXI).

Конецъ произведенія связанъ зрѣсь съ началомъ, созданіе міра физическаго и исторія человѣчества объяснены и оправданы откровеніемъ міра духовнаго, представляющаго совершенное единеніе человѣчества съ Богомъ. Дѣло завершено, кругъ замкнулся, и даже съ чисто эстетической точки зрѣнія ощущается удовлетвореніе. Посмотримъ теперь, какъ заканчивается Библія евреевъ. Последняя книга этой Библіи есть «Дибрэ—га—ямимъ», книга Паралипоменонъ, и вотъ заключеніе последней главы этой книги: «Такъ говоритъ Киръ, царь Персидскій: «Всѣ царства земли далъ мнѣ Ягве, Богъ небесный; и Онъ повелѣлъ мнѣ построить ему домъ въ Іерусалимѣ, что въ Іудеѣ. Кто есть изъ васъ—изъ всего народа Его? Да будетъ Ягве, Богъ его, съ нимъ и пусть онъ туда идетъ!» Между этимъ заключеніемъ и заключеніемъ христіанской Библіи, между словами Христа во славу Его: «Я Альфа и Омега, начало и конецъ; я даю жаждущему отъ источника воды живой даромъ; побѣдившій унаследуетъ все, и Я буду его Богомъ и онъ будетъ Мнѣ сыномъ», между этими словами и словами царя персидскаго, между этимъ домомъ, который надлежитъ воздвигнуть во Іерусалимѣ іудейскомъ, и жилищемъ Бога и съ Нимъ людей въ новомъ Іерусалимѣ, сходящемъ съ небесъ, контрастъ воистину поразительный. Съ точки зрѣнія евреевъ, отвергающихъ великую универсальную развязку своей національной исторіи,

открытую въ Новомъ Завѣтѣ, пришлось бы признатъ, что сотвореніе неба и земли, призваніе, возложенное на патріарховъ, миссія Моисея, чудеса Исхода, откровеніе на Синаѣ, подвиги и гимны Давида, мудрость Соломона, вдохновеніе пророковъ—что всѣ эти чудеса и вся эта святая слава привели въ концѣ-концовъ лишь къ манифесту язвическаго царя, повелѣвающаго горсткѣ евреевъ построить второй Іерусалимскій храмъ, тотъ храмъ, бѣдность котораго по сравненію съ великолѣпіемъ перваго вызвала слезы у старцевъ Іудеи и который впослѣдствіи былъ расширенъ и украшенъ Идумейцемъ Иродомъ лишь для того, чтобы бытъ окончательно разрушеннымъ солдатами Тита. Инакъ, не субъективный предразсудокъ христіанина, а памятникъ національной мысли самихъ евреевъ ясно доказываетъ, что въ христіанства историческое гѣло Израиля потерпѣло крушеніе и что, слѣдовательно, народъ можетъ при случаѣ не понять своего призванія.

III.

Я не отклонился отъ своего предмета, говоря о Библии евреевъ. Ибо въ этой прерванной Библии, въ этомъ контрастѣ величественнаго начала и жалкаго конца есть нѣчто, напоминающее мнѣ судьбы Россіи, если разсматривать ихъ съ точки зрѣнія исключительно націоналистической, господствующей у насъ въ данное время

и соединяющей въ молчаливомъ согласіи Каіафъ и Иродовъ нашей бюрократіи съ зилотами воинствующаго панславизма.

Дѣйствительно, когда я думаю о пророческихъ лучахъ великаго будущаго, озарявшихъ первыя шаги нашей исторіи, когда я вспоминаю о благородномъ и мудромъ актѣ національнаго самоотреченія, создавшемъ болѣе тѣсячи лѣтъ тому назадъ русское государство въ дни, когда наши предки, видя недостаточность туземныхъ элементовъ для организаціи общественнаго порядка, по своей доброй волѣ и по зрѣломъ размышленіи призвали къ власти скандинавскихъ князей, сказавъ имъ достопамятныя слова: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, приходите княжить и властвоватьъ нами». А послѣ столѣ оригинальнаго установленія матеріальнаго порядка не менѣе замѣчательное воодвореніе христіанства и великолѣпный образъ Святого Владиміра, усерднаго и фанатическаго поклонника иголовъ, который, почувствовавъ неудовлетворительность язвччества и испытывая внутреннюю потребность въ истинной религіи, долго размышлялъ и совѣщался, прежде чѣмъ принять эту послѣднюю, но, ставъ христіаниномъ, пожелалъ бытъ имъ на самомъ дѣлѣ и не только отдался дѣламъ милосердія, ухаживая за больными и бѣдными, но проявилъ большее проникновеніе евангельскимъ духомъ, чѣмъ крестившіе его греческіе епископы; ибо этимъ епископамъ